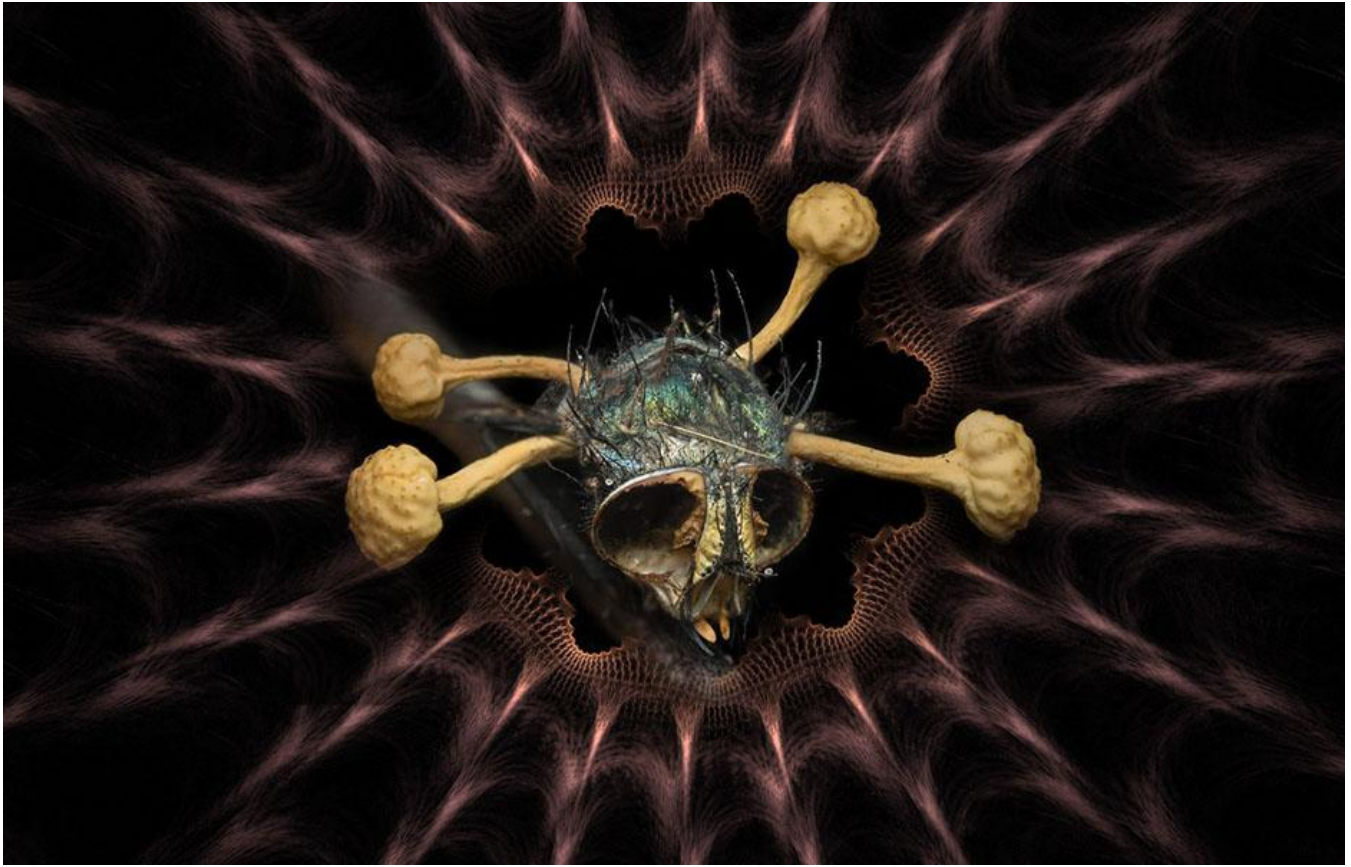

Томет

Глава 1. Предлог

Томет шёл по тротуару, переигрывая в памяти спор, который днем назад случился у него с сотрудниками по фирме. Запоздалые ответы и возражения, всплывающие в голове, вытесняло осознание того, что он опять ищет аргументы для дискуссии, которую уже никто не ведет, пытаясь убедить собеседников, которых нет. Причем, хуже всего, — думал при этом он, — что всё это повторяется уже не первый раз...

Томет работал в организации, которая занималась промышленным дизайном и системной визуализацией контента (так значилось в ее профиле). Отчужденность и утилитаризм, которыми за версту несло от этой формулировки, претили ему с первого дня, поэтому он предпочитал называть себя контент-стилистом. Томет считал, что имеет на это право, хотя, возможно, это просто была попытка дистанцироваться от остальных сотрудников фирмы, которые не утруждали себя оценочными суждениями по таким пустякам, исправно выполняя свою работу без избыточной рефлексии над терминологией. Не то, чтобы кто-то из них получал больше удовольствия от продуктов собственного труда, чем сам Томет, однако ни одному из них не мешало чувство отчужденности, на котором он

регулярно ловил себя в процессе работы над каждым проектом. Томет замечал, что им доставляет удовольствие сам принцип сжатия визуальной семантики и сложных исходных образов до лубочной схематики примитивных концептов, до общераспространенных шаблонов, до набора типовых образов, распространенных и интуитивно понятных для каждого, апеллировавших к самым простым механизмам их распознавания.

Какое-то время и ему эта задача казалась увлекательной, однако через нескольких лет работы он стал ловить себя на ощущении, что ходит по кругу, протаптывая одну и ту же колею неизменных шаблонных решений, у которых варьируется лишь цветовая гамма и второстепенные элементы стилистических приемов, отражающих установки текущей моды. Несколько раз он попытался “взбунтоваться” и привнести в дизайн собственное видение, добавляя в него уместные (как ему казалось) элементы, подчеркивающие тот или иной аспект проекта или раскрывающие его с нового ракурса, однако всякий раз это заканчивалось вызовом к менеджеру и бесплодной дискуссией с коллегами на тему: “Что тебе еще нужно, когда в ТЗ и так все есть?”. Попытки объяснить им преимущества отражения в элементах интерфейса непонятных никому *“отсылок на второй план”*, или *“выгоду аллюзивных ответвлений”* не могли встретить ничего, кроме недоумения и возражений – поскольку противоречили не только канонам промышленного дизайна, но и привычным нормам в среде клиентов их фирмы.

Очередной конфликт случился из-за его попытки реализовать в элементах дизайна мотив *структурного самореференса* (во всяком случае, именно такое определение пришло в голову Томету, когда он поймал себя на желании усложнить поставленную перед ним задачу). Однако, увидев скетч, заказчик заявил, что подобным абстракциям место лишь в музее, что его собственные клиенты — простые люди, не любящие тратить время на осмысление сложных образов, и что он хочет видеть в своем проекте только предсказуемые компоненты, составленные из привычных элементов, которые встречаются повсеместно и столь же повсеместно одинаково интерпретируются. Его горячо поддержал менеджер проекта (для которого идеал эстетики и лаконичной семантики выражался совершенством банковского чека), и Томету не осталось ничего другого, кроме как переделывать все в символике шаблонных лубочных иконок, используя ненавистный ему стиль материального дизайна, который в последнее время вызывал у него навязчивые ассоциации с набором геометрическими форм, разработанным для развлечения детей с задержками умственного развития. Пока он вносил исправления, в его ушах звенели раздраженные инвективы заказчика, среди которых выделялась одна реплика: *“Чем проще и привычнее разработанная вами визуализация окажется для потребителя, тем вероятнее она станет частью его самого. Вы можете в моем дизайне не отражать мои продукты, главное — чтобы в них отразились мои заказчики!”* Ему отчаянно поддакивал менеджер проекта, врожденная ограниченность и конъюнктурность которого зашкаливали сейчас, усиленные боязнью потерять клиента: *“Мир и без того труден для понимания, Томет! Наша задача состоит не в дополнительном его усложнении нашей символикой, а в том, чтобы сделать его ближе и доступнее для простого человека. Покажите ему то, что он много раз уже видел до этого и ожидает увидеть снова, и он — ваш!”*

В конечном итоге Томету удалось добиться этой цели лишь за счет предельного упрощения и выхолащивания всей семантики элементов, использованных в новом шаблоне. Когда он сдавал работу, его волнение уже улеглось, а мысли преимущественно были заняты вопросом: сколько в его

личном окружении предметов, при создании которых художники руководствовались теми же принципами?

К сожалению, этот эпизод был лишь фрагментом в череде недоразумений, возникающих, в частности, из-за того, что Томет никак не мог понять тот доходящий до преклонения пиетет, который остальные сотрудники испытывали перед знаковыми примитивами, повторяющимися в каждом их дизайне, угадывающимися еще до того, как взгляд успевал схватить общую картину. Томет пытался добиться от них ответа на вопрос: что они имеют против такого подхода, в котором из любого элемента схемы можно было бы реконструировать если не всю, то хотя бы значительную часть общей картины? В ответ ему в очередной раз напоминали, что дизайн не может и не должен быть самоцелью, имеющей собственный смысл, что он является не более чем средством доставки до целевой аудитории знаков и сигналов, указанных заказчиком в техзадании, что их клиентура ориентируется не на одиночных эстетов, а на широкую аудиторию, которая, в свою очередь, тем шире, чем проще и нерефлексивнее. Как всегда, его возражения оказались бесполезными, он опять остался в меньшинстве, не только никого не убедив, но даже не сумев объяснить значимость своего подхода. Этого, впрочем, стоило ожидать — с практической точки зрения он, безусловно, был неправ.

Томет вспомнил то настроение, с которым по окончании обеденного перерыва он вернулся за рабочий стол. Ему никого не хотелось видеть, даже сам у себя он вызывал раздражение из-за того, что не смог сдержаться: и сам этот спор, и его финал, и причины, вызвавшие эту конфронтацию — все это было уже не в первый раз... Повторяемость этих однообразных диспутов вызывала у него досаду, которая усиливалась недавно возникшим подозрением, что для остальных сотрудников именно в этой предсказуемой цикличности заключается главное удовольствие. Ему даже казалось, что эта их любовь к шаблонным решениям, к бесконечному воспроизводству предсказуемого контента, выраженного в примитивных и конкретных знаках, происходит от того, что подобным образом они обретают уверенность в безошибочности своего восприятия окружающего мира, утверждая собственную адекватность...

Сидя за своим столом, погруженный в эти невеселые размышления, он облокотился на кулак левой руки — и тут же одернул голову обратно. Черт, опять он забыл про эту опухоль. Томет осторожно помассировал пальцем небольшой бугорок за левой бровью, возникший у него несколько лет назад и напоминающий о себе лишь тогда, когда он смотрелся в зеркало или задевал его рукой. И тут ему в голову пришла идея... которая давала понять, что последний спор раздосадовал его больше обычного: почему бы наконец-то не отправиться к хирургу? Не потому что пришла пора избавиться от этого нароста, а потому что это предоставит ему убедительный предлог пару-тройку дней не появляться на фирме, позволит ему отдохнуть от этих самодовольных прагматиков. “Конечно, по-своему они правы, — думал при этом он, — наша работа — это в первую очередь промышленный дизайн на потребу заказчиков, и лишь в самую последнюю — средство реализации чьих-либо эстетических установок.” Но именно поэтому он ощущал настоятельную потребность в антракте, в отдыхе от подобного регламента — для чего хирургическая операция будет не самым плохим предлогом.

Поэтому вечером он записался на прием к врачу, а утром следующего дня, позволив себе выспаться, не спеша собрался и отправился на прием. В настоящий момент он фланирующей походкой шествовал к клинике, где его, вероятно, ждала несложная косметическая процедура. Безоблачное утро

радовало теплом, лица встречных прохожих светились довольством от утреннего прогноза погоды, от уверенности в курсе национальной валюты и в самих себе. Неторопливо приближаясь к своей цели, Томет рассматривал встречающиеся по пути витрины, когда обнаружил, что проходит мимо хорошо знакомой ему букинистической лавки. Ему всегда нравился этот расположенный в полуподвале магазинчик — сколько он себя помнил, здесь всегда торговали книгами, среди которых нередко попадались замечательные экземпляры. Особое удовольствие от посещения этой лавки Томет стал испытывать после того, как перешел на электронный формат книг — теперь только в этом полуподвальчике, куда он мог спуститься с закрытыми глазами, рефлекторно наклоняя голову перед низкой притолокой, он мог насладиться любимым запахом типографской краски, нанесенной на раскатанную и подшитую в фолианты целлюлозу, прикосновения к которой поднимали со дна памяти вкус *когда-то впервые* прочитанных книг. Он привычно нырнул в дверной проем, ощущая внутри себя смутное подозрение, что в этот раз сделал это не без задней мысли отсрочить предстоящую хирургическую процедуру.

Привычно обойдя стеллажи с покетбуками и ярко иллюстрированными журналами, Томет остановился у прилавка с научпоп-литературой, среди которой рассеянно выбрал ближайшую брошюру — она оказалась посвящена патологиям насекомых. Разворачивая её, Томет понял — что привлекло его внимание: всю обложку занимало изображение фрактала — столь любимого Тометом представителя самоподобных множеств, к которым он апеллировал во вчерашнем диспуте... Что он тут делает? — подумал Томет, раскрывая брошюру посередине и оказываясь на главе, посвящённой какой-то напасти по имени *“кордицепс однобокий”*. Статья была проиллюстрирована фотографиями грибка, поселившегося на голове муравья, снимками спор, выросших из засохшего хитинового панциря мухи и организованных в какую-то сложную структуру (Томет вспомнил титульную иллюстрацию и понял причины, по которым ее выбрал художник). Бегло пробежался по тексту: *“...клеточный механизм, сформированный грибом-паразитом, на химическом уровне подчиняет себе поведение насекомого, не затрагивая, однако, нервную систему.”* Прочтя это, Томет закрыл брошюру и задумался, рассматривая фрактальную абстракцию. В голове крутилась мысль: “Интересно, как это — изменить целую систему поведения, трансформировать восприятие и переиначить всё целеполагание живого существа даже без прямого вмешательства в его мозги... А ведь, в сущности, работа дизайнера заключается в попытках добиться того же результата. Впрочем, не только дизайнера...” Он ещё раз полюбовался фракталом на обложке, затем вернул книгу на место и вышел на улицу.

Приближаясь к кабинету хирурга, Томет переживал о предстоящей операции намного больше, чем в самом начале своего пути. Впрочем, это его не удивляло. Ведущий здоровый образ жизни и редко испытывавший какое-либо недомогание, он не имел возможности привыкнуть к вмешательству в свой организм посторонних помощников или химвеществ, поэтому визит в подобное заведение не мог его не волновать (не говоря уже о физической боли, неизбежно сопутствующей всякой хирургии — её Томет терпеть не мог). Поэтому, пока он поднимался по ступенькам, его мысли были заняты весьма приземленными рассуждениями: стоят ли предпринятые усилия того, ради чего он их осуществляет. Впрочем, никакой практической ценности они уже не имели — его рука уже толкала дверь с фамилией врача, за которой открывался хирургический кабинет. Нельзя сказать, что стилистика его интерьера воодушевила Томета и подняла ему настроение, однако в этой обстановке его мысли приняли иное направление. Монохромные, лишённые привычных живых оттенков, блики, которые стальные инструменты и приспособления, освещенные холодным светом бестеневой лампы, бросали на

пластиковые подставки и хирургическое кресло, притупили его ощущения, оставив Томету из всего их многообразия лишь желание поскорее закончить процедуру.

Обходительность и такт, с которыми хирург принял Томета, свидетельствовали не только о врачебном опыте, но и о том, что настроение пациента его профессиональный глаз определил сразу. После недолгой беседы и поверхностного осмотра опухоли врач равнодушно пожал плечами, дал Томету на подпись какой-то бланк и кивнул в сторону разложенного кресла. Томет выдохнул, неуклюже взобрался на тугую поверхность и завозился, пытаясь куда-нибудь пристроить свои ноги. На ум тут же пришло воспоминание о посещениях зубного врача, он даже поймал себя на рефлексорном желании открыть рот, но тут его лицо накрыла какая-то простыня с хитрыми вырезами, над ухом стали противно лязгать перебираемыми металлическими инструментами, и он понял, что операция началась. Томет сцепил зубы и (забыв о тряпке) постарался не морщить лицо, помня удивленные вопросы, которые ему обычно задавали дантисты: “Вам больно?”. Пока Томет разбирался с собственной мимикой, стараясь дышать носом, как ему посоветовал врач, он не заметил несколько быстрых и точных уколов, с которыми ему ввели анестетик. Дожидаясь действия анестезии, хирург прощупывал пальцами опухоль, делаясь с Тометом своими заключениями: “Такие банальные липомы, как эта, — слышал Томет из-под простыни, — удаляются у нас в клинике десятками. Правда, чаще всего, — продолжал врач, звякая ланцетом, — с подобной ерундой к нам обращаются женщины... — тут Томет ощутил, что за его левой бровью начали чем-то осторожно ковыряться, — Мужчина к врачу не пойдет до тех пор, пока у него гангрена полноги не съест...”

Томет прикрыл глаза, которые даже сквозь белое покрывало беспокоили близко мельтешащие пальцы хирурга, и слушал его болтовню, явно предназначенную для того, чтобы успокоить и отвлечь Томета от кровавых манипуляций, осуществляемых на его обнаженном виске. Шуткам хирурга вторили ободряющие смешки его ассистентки, и Томет поймал себя на мысли, что хотя он сам отлично понимает назначение этой болтовни, это понимание ничуть не ослабляет эффект от подобного приема: В конце-концов, какая разница в том, на что именно отвлекается внимание пациента — на содержание этих реплик или на размышления о том, что эти реплики призваны внимание отвлекать? — думал он, привычным образом беря производную от очередного переживания.

Судя по комментариям хирурга, он вскрыл мышечный слой и почти добрался до липомы. В репликах хирурга появилась снисходительная интонация — смысл их сводился к тому, что биопсия, конечно, добавляет определенности, однако лично его мнение по поводу идеи удаления такого незначительного образования следующее: липома небольшая, но расположена неудачно — прямо на *magnus orbicularis*, поэтому от операции над такой ерундой потенциального вреда может быть больше, чем пользы. Сейчас он сделает разрез чуть пошире, чтобы определиться с большей уверенностью...

Услышав эти слова, Томет, который успел успокоиться к этому моменту, вспомнил истинную цель, приведшую его сюда, и разволновался опять. Его захлестнули сомнения в целесообразности продолжения операции: учитывая то, что она уже оставила свой след, свою основную задачу она уже выполнила. Если липома такая проблемная, как ее охарактеризовал хирург, то, может, действительно не стоит спешить с ее удалением? Он собрался с духом, чтобы попросить врача оставить все, как есть, однако сделать этого не успел — внезапно тот прекратил свои манипуляции, замолчав на полуслове... Томет, озадаченный собственными мыслями, не сразу обратил на это внимание, однако по тому, как

прекратился звуковой поток и по резко изменившемуся характеру прикосновений к своему виску, догадался, что хирург что-то внимательно рассматривает.

Осторожно кашлянув, Томет поинтересовался, в чем дело. Врач ответил, что образование, которое он видит, довольно необычно... а главное — имеет форму, которую он никак не ожидал обнаружить при начальной пальпации. Однако он тут же добавил, что волноваться совершенно не о чем, ни одного признака злокачественного образования он не находит — это исключается не только характером опухоли, но и всем анамнезом, собранным до операции. Тем не менее, в настоящий момент ее удаление становится проблематичным: учитывая площадь дистрибуции этого образования, процедуру придется отложить — липома не локализована в одном месте и распределена таким образом, что для того, чтобы до нее добраться, потребуется иной инструмент и более обширное вмешательство, к которому пациент сейчас не готов.

— Видишь эти радиальные отводы? — задумчиво спросил хирург, видимо, указывая подошедшей ассистентке на что-то внутри Томета, — Они уходят сюда... и вот сюда... При таком разрезе мы их не достанем.

Томета насторожила не эта реплика, а то, что единственной реакцией ассистентки на эти слова был её вдох — Томет услышал, как она втянула воздух, словно собираясь что-то сказать, но так и задержала его в себе, будто у нее не нашлось слов для описания представшей ей картины. Впрочем, похоже, что врач и не нуждался в ее комментариях — отстранив её, он принялся накладывать шов, попутно успокаивая встревоженного Томета отрывистыми оптимистическими репликами: “Учитывая минимальный уровень ваших жалоб, актуальность срочного хирургического вмешательства крайне низкая... Вид её... несколько необычный, однако я не вижу никаких оснований для-а-а... глубокого вмешательства... По вашим же словам, она вас не беспокоит... на протяжении последних лет её размер стабилен... Я полагаю — лучшим решением будет постановка на контроль, без оперативного вмешательства...”

Томет дождался, пока с него снимут дырявую простыню, осторожно выбрался из кресла и поинтересовался, что ему теперь следует делать. Хирург улыбнулся и вручил ему назначение на томографию, добавив при этом, что смысл её исключительно академический, поскольку ни о каких подозрениях на рак не может быть и речи. Томету порекомендовали возвращаться домой, отдохнуть пару дней и ни о чем не переживать. “Если бы у всех пациентов были проблемы, подобные вашей липоме, — подытожил врач, — я бы остался без работы”.

“Ну да, как бы не так”, — подумал про себя Томет, ощущая, тем не менее, некоторое успокоение. Попрощавшись с ним, доктор напоследок откомандировал с ним ассистентку, чтобы та проводила Томета в кабинет томографии. Когда Томет следовал за ней, он уже почти не волновался, так как привык доверяться профессиональному мнению специалиста. Сейчас он сделает снимок, затем вернется к себе, поставит в известность менеджера о том, что до конца недели его не будет (“Это в любом случае того стоило!”), а дома постарается выбросить из головы воспоминания об этом дурацком проекте, заняв себя чем-нибудь до конца недели. Может быть, стоит выбраться за город... Думая об этом, он продолжал следовать по коридору за ассистенткой, не без удовольствия наблюдая

за тем, как ее эффектно виляющие бедра расчищают дорогу от встречающихся им на пути пациентов. “Словно лоцман с маяком-ориентиром перед кораблем...” — думал Томет, удерживаясь в фарватере.

Сделав снимок, Томет вернулся домой, удовлетворенный санкционированным отдыхом, хотя и несколько удивленным тем оборотом, который приняли дела с этим шишковидным наростом. В голове крутилась мысль: “Меньше знаешь о себе, крепче спишь... А теперь — как в том анекдоте: открутил зачем-то гайку на животе — и тут же отвалилось то, что она удерживала...” Тем не менее, вечер он провел в лучших традициях — смакуя под старые фокстроты черный чай, размышлял о том, как же все-таки ему ужиться с циничным прагматизмом сотрудников. Он отлично понимал, что душок прагматизма (или, как минимум, утилитаризма) исходит и от его собственного поступка с посещением врача ради жалких трех дней отгулов. За этим неизбежно следовал вывод, что, так или иначе, все окружающие обречены на пошлую расчетливость... и если он, Томет, чем-либо и отличается от тех, в общество которых ему не хочется возвращаться, так только тем, *на что именно* они направляют свою рациональность. Кстати, а на что направляет её он сам? Что ему даст этот антракт? Все равно он вернется туда же. К тем же. И для того же. Похоже, ему все-таки придется распрощаться с его холистическими наклонностями... “Потому что нельзя жить в обществе и... э-э... не разделять принятой этим обществом... э-э... семантики, в пространстве которой обществу удобно определять себя и весь окружающий мир... Тьфу!” На этих мыслях Томет допил чай, язвительно усмехнулся той очередной банальности, к которой его привели собственные размышления, и через час уже спал.

Ночью он проснулся от сигнала телефона, лежащего рядом на журнальном столике. Судя по сигналу, это было письмо, пробившееся через спам-фильтр. За окном шел теплый летний дождь, ветер изредка заносил брызги в открытое окно — была его любимая погода, особенно ценимая им, когда он находился дома. Однако то, что его заставили проснуться, раздражало Томета — как самим фактом прерванного сна, так и тем, что причина этого заключалась во внезапном сообщении извне. Как всякий человек, живущий в окружении непонимания, Томет имел повышенную тревожность, поэтому не спешил брать в руки смартфон, откладывая момент ознакомления с содержанием сообщения — в конце-концов, это могло быть требование менеджера срочно выйти на работу... А он-то мечтал о том, что у него есть несколько дней отдыха! Наконец, поборов сонливость и опасения, он взял телефон и открыл сообщение.

Письмо было от хирурга. Тот делился заключением по поводу анализа образования, обнаруженного при вскрытии. Посоветовавшись с коллегами, хирург предлагал Томету не удалять опухоль, поскольку отростки, расходящиеся от нее по сторонам (один из которых, как он утверждал, скрывался в непонятном Томету *foramen supraorbitale*), указывали на то, что локализация липомы затруднительна и полного извлечения гарантировать невозможно — при том, что в срочном хирургическом вмешательстве или даже какой-либо терапии никакой необходимости не было. Доктор писал: *“Фактически, ваши жалобы имеют сугубо эстетический характер — у вас нет ни болей, ни дисфункций соседствующих органов, само это образование стабильно на протяжении длительного времени. Поэтому я рекомендую вам оставить в покое то, что вас не тревожит, чтобы не создавать реальных проблем ex nihilo.”* — тут веселый доктор решил добавить смайлик. В конце письма был постскриптум: *“С письмом отправляю два файла — томографию и живой снимок, сделанный мной при операции. Думаю, вам будет интересно увидеть это со стороны; во всяком случае, в моей практике такой случай еще не встречался.”*

Прочтя письмо, окончательно успокоившийся Томет пожал плечами и равнодушно открыл вложения. Первый — снимок с томографа: малопонятные замкнутые контуры и какие-то пятна, исполненные в градациях серого — непосвященному ни черта не разобрать. “Ну и где тут что?! Кем нужно быть, чтобы уметь отличать на этих снимках собственные мозги от посторонних объектов?.. — Томет крутил снимок, пытаясь разобраться, где у него верх, а где низ, забавляясь собственной беспомощностью, — С другой стороны, врачи ведь тоже обнаруживают различия между мозгами и опухолями не потому что опухоль не является мозгом, а мозг не является опухолью, но лишь потому что их в институтах просто натренировали давать такие определения: одному — то, другому — иное...” Он перешел к следующему изображению и сразу неприятно напрягся, увидев свой раскрытый кровотокающий висок, кожа которого была растянута какими-то стальными крючками — под ней виднелся белёсый объект необычной формы и сложной структуры.

Томет глядел на него с каким-то странным любопытством, не испытывая ни страха, ни отвращения к тому, что видел: странный, испещренный какими-то переплетениями сгусток, от которого равномерно распределялась дюжина ниточек, уходящих за пределы раскрытого надреза. Его даже несколько удивило то равнодушие, с которым он смотрел на это образование — словно он изучал профиль собственного носа, причёску на своей голове или узоры на подушечке собственного пальца — обычный комок мутноватой ткани с какими-то радиальными отводами... Внутри комка прослеживалась какая-то замысловатая структура, однако зевающий Томет даже не пытался сосредоточить на ней свой сонный взгляд — точно так же, как минутой раньше он равнодушно рассматривал невразумительный снимок томограммы, он проскользнул глазом по раскрытому виску, не испытывая никакого желания задерживаться на деталях. Судя по всему, хирург был прав, когда отговорил его от дальнейшей операции — ничего особенного здесь не было, да и мало ли чего кроется у нас внутри? Томет вспомнил об одной сотруднице их офиса, которая посещала пластического хирурга по поводу каждого прыщика и пигментного пятна на своей шкуре. Но там все было закономерно — ее профессиональные качества оценивались в первую очередь по критерию внешних данных... А для него подобные вещи приоритета не имели.

Волнение от пробуждения давно улеглось, Томет автоматическим жестом отправил письмо в архив, потрогал пальцами пластырь на левом виске и, стараясь не растревожить шва, повернулся на подушке на правый бок. Его мысли были заняты тем, как он проведет оставшиеся дни отгулов... Ветер за окнами уже стих, но дождь продолжал равномерно молотить по карнизу. Под этот паттерн он быстро и с удовольствием заснул.

Полчаса спустя он резким жестом сбросил с себя одеяло и, с силой упираясь в матрас обеими руками, рывком принял сидячее положение, глядя в ночную темень широко раскрытыми от испуга глазами. Он не замечал, что его руки судорожно сжимают край одеяла, но ощущал, как по спине медленно сползает струйка холодного пота. Какую-то долю мгновения ему казалось, что причиной этому был приснившийся кошмар — но в следующую же секунду он понял, что то, что его испугало, было не во сне. И от понимания того, что его разбудило, он замер на месте, уставившись в непроглядную темень безлунной ночи. Впрочем, даже если бы сейчас был ясный солнечный день, он все равно бы не мог видеть ничего, кроме того единственного объекта, который стоял перед его взором — фотографии

опухоли. Поверх нее наплывом держалась абстракция, которой незадолго перед операцией он любовался в статье о кордицепсе.

Томет преодолел оцепенение, схватил телефон и снова открыл фото. Да, точно. Повторяющийся структурный мотив в переплетениях опухоли не оставлял никаких сомнений в том, что перед ним был классический фрактал — точное воплощение того, что он в споре с коллегами совсем недавно упоминал под названием “самоподобная поверхность”. Его рука машинально потянулась к пластырю, прикрывавшему опухоль, но, пройдя полпути, остановилась и замерла — словно там, притаившись под кожей, её поджидало нечто... чудовищное в своей неуместности.

Уставившись на изображение, Томет присматривался к форме этого подкожного образования, жалея, что ракурс и качество снимка не позволяют увидеть все детали. Одно было несомненно — в этой структуре присутствовали все признаки самоповторяющихся паттернов, частью которых были симметрично расходящиеся отростки — вероятно, те, о которых хирург говорил, что они проникают куда-то дальше, под черепную кость... И, может быть, доходят до мозга? Постойте... Томет замер, охваченный подозрением: неужели такое совпадение возможно? Который год он любовно обыгрывает в дизайне эту математическую идею — и тут внезапно обнаруживает у себя опухоль, словно выполненную по его лекалам, форма которой идеально соответствует его собственным эстетическим вкусам! Откуда у него вообще появилась такая склонность к самоподобным поверхностям? Насколько ему известно, среди его окружения никто подобных вкусов не имеет. Почему он так настойчиво пытается их реализовать в своих проектах? Может быть, его пристрастие обусловлено совсем не тем, что ему казалось до этого? Как давно у него появилась эта любовь к фрактальным структурам?..

Статья о кордицепсе и иллюстрация к ней теперь не выходили у него из головы, оккупировав мысли и подчинив себе все ассоциации: разглядывая свой снимок, он видел отростки (точнее, догадывался о них), выходящие из центра сгустка и окружающие весь череп — находя отверстия, они ныряли в них, достигали коры головного мозга, проникали внутрь... Пока воображение рисовало ему эту картину, в памяти тут же всплывала вчерашняя фотография высохшего панциря насекомого, испещренного симметричными выбросами грибка-паразита... Образ опухоли, слившейся с его мозгом, был невероятно реалистичным и столь же чудовищным в своей неприемлемости, однако очень скоро его вытеснила ужасная догадка: если этот странный сгусток на самом деле не является банальной липомой, и если каким-то образом ему удалось добраться до мозга, то его воздействие наверняка стало отражаться на всех ощущениях и мыслях Томета. Как ни жутко это звучало, но это объясняло его “фрактальную акцентуацию” последнего времени... хотя он еще продолжал себя тешить надеждой на то, что это не более чем случайное совпадение.

Томет начал вспоминать все значимые события, которые произошли с ним за последние полдюжины лет. Их оказалось немного и, перебирая каждое воспоминание, Томет искал в нем отражение возможного влияния извне — то, объяснение чего выходило бы за рамки его собственной природы. Новая работа — нет, не то... новое жилье — тоже не то... женщина — не то... смена дизайна и обстановки в квартире?.. Он включил лампы и огляделся вокруг. С первого взгляда все было таким, как всегда — свойственный ему, сколько он себя помнил, лаконичный стиль, воплощавший минимализм и функциональность. Однако что-то явно изменилось, причем изменилось относительно недавно — не более пяти лет назад, со времени последнего ремонта... Несколько минут он безуспешно вглядывался

в рисунок обоев, рассматривал фасоны своей одежды, водил глазами по мебели, когда вдруг до него дошло — что именно стало другим. Сколько он себя знал, его любимым цветом всегда был оттенок, имеющий профессиональное название “кобальт”, а любимой частью гаммы — холодная зона палитры. Томет помнил хрестоматийное определение, гласящее, что эта тональность способствует созданию мечтательного, расслабленного настроения, в противовес теплой зоне, особенно желто-коричневых тонов, которые стимулировали рассудочное мышление, логику и внимание. Сейчас вся его квартира и большинство деталей его одежды были выдержаны именно в этих оттенках — от темно-коричневых до светло-желтых. Томет хорошо отдавал себе отчет, что такой резкий переход во вкусах дизайнера должен иметь серьезные причины, однако не мог обнаружить в своем прошлом опыта никаких оснований для подобных изменений.

Вместо этого он вдруг вспомнил переживания, которые испытал непосредственно перед входом в кабинет хирурга, и мысли, преследовавшие его на протяжении первых минут операции. Сейчас он был уверен, что его колебания и сомнения в целесообразности процедуры были слишком велики, чтобы быть продиктованными обычной боязнью хирургического вмешательства. Более того — в эту минуту Томет уже не сомневался, что его неосознаваемый мотив посещения книжной лавки и выбор статьи о кордицепсе также не были случайными — слишком быстро он оказался у стеллажа, содержащего эту брошюру, слишком безошибочно он выбрал из множества других именно ее. Что побудило его совершить это действие? Было ли это влиянием опухоли, включившейся в процессы, происходящие в его неокортексе, или же, наоборот — несло в себе выражение той самости бывшего Томета, которая еще пыталась бороться с этим вторжением? Томет с трудом впускал в себя осознание того, что в его положении определить это уже невозможно. Вопрос, который с данной минуты приобретал для него первостепенное значение, заключался уже не в определении генезиса мотивов или авторства мыслей, волновавших его, а в том, чтобы понять — *кто теперь он сам?*

Бросившись к компьютеру, он принялся лихорадочно перебирать папки с документами. Макеты... Техзадания... Репозиторий закрытых проектов... Вот оно! — медиа-архив со старыми фотографиями. Снимков было немного — он никогда не любил фотографироваться, однако для той задачи, которая перед ним стояла, фотоматериалов оказалось достаточно. Главное — благодаря его педантичной страсти к упорядочиванию, все они были аккуратно распределены по датам съемки. Томет отсортировал их в обратном хронологическом порядке и принялся изучать, не вполне отдавая себе отчета в том, что именно он хочет обнаружить. Тем не менее, уже через несколько минут он нашел то, что искал. Только самые свежие, сделанные в течении последних двух-трех лет снимки вызывали у него ощущение, которое хорошо известно каждому человеку, глядящему на свое отражение или любующемуся на свой портрет: он не просто узнавал, но *чувствовал* самого себя в запечатленном на фото субъекте. Когда он глядел на снимки этого периода, в его отношении к зрительному образу присутствовала та теплота и отождествление, которые лучше каких-либо визуальных соответствий сообщают нам, что перед нами на фото — мы сами. Однако это чувство ослабевало тем сильнее, чем старше становились фотографии, полностью исчезая приблизительно на той самой временной границе — около 5-7 лет назад. Снимки, старше этого периода, уже не вызывали у Томета никакого ощущения идентичности с изображенным на них молодым человеком. Он просто видел на них знакомого мужчину, черты лица которого были ему известны — но точно так же, как известны черты любых регулярно встречающихся в быту лиц. Никакого тождества, эмоциональной близости, подсознательного ощущения идентичности или даже банального родства с ним Томет уже не

чувствовал. Он просто видел на снимках характерное лицо, которое было запечатлено в местах, среди вещей и в обстоятельствах, в которых Томет когда-то находился сам. Он всего лишь *знал*, что это должен был быть он, однако в его нынешнем положении цена этому знанию была уже очень условна...

Обманывать себя и дальше надеждами на ошибку или совпадение было невозможно — то, кем он сейчас себя считал, не имело к настоящему Томету никакого отношения. *Томет* остался в прошлом. Возможно, что его ошибка распространялась даже на то, что он продолжал считать себя самостоятельным человеком, индивидуумом, обладающим своим “Я”. Возможно даже, что его ошибка заключалась уже в том, что он считал эти ошибки — *собственными*.

Он вернулся к смартфону и снова открыл фотографию, присланную хирургом. Присмотрелся к отросткам, замысловато выпутывающимся из центра опухоли и уходящим куда-то далеко под кожу. В памяти всплывали кадры из старого голливудского фильма ужасов — эмбрион, охвативший щупальцами лицо одной из жертв и удушающий ее мерзким хвостом, обвинившимся вокруг шеи... Томет покачал головой — параллель была слишком поверхностной, чтобы быть релевантной, её оправдывало лишь то, что никакими иными визуальными аналогами его память просто не располагала. *Его память?* Так, стоп, спокойно. Он продолжал изучать снимок. Сами по себе эти радиально волокна, исходящие из белесого сгустка, не вызывали никакого ужаса, подобного тому, который присутствовал в известной киноленте. То ли из-за странной эстетичности, которую он находил в этих переплетениях, и которая апеллировала, скорее, к сухой математике, чем к животному миру, то ли из-за того, что оно находилось под кожным покровом Томета — однако Томет не чувствовал того отвращения к этому образованию, которое должен был бы вызывать у него вид этого чужеродного паразита. Впрочем, амбивалентность, с которой он относился к этой опухоли, его даже больше пугала, чем успокаивала, потому что для нее существовало своё — страшное — объяснение. Возможно, истинная причина была в том, что Томет уже слился с ним. Он боялся уже не присутствия этого образования на своем виске, а того, что лишен какой-либо возможности определить степень его влияния на себя. Он ощутил жгучее желание подойти к зеркалу и взглянуть на себя со стороны. Он не сделал этого. Прекрасно представляя до мельчайших деталей то, *что* он увидит в отражении, он понимал при этом, что совершенно не знает — *чьим* отражением это будет.

Утро он встретил с воспаленным воображением, головной болью и красными глазами, в которых словно плавал какой-то песок — ни о каком сне, конечно же, не могло быть и речи. Стоя у окна и глядя на разгорающийся горизонт, Томет не замечал, как периодически трогает пальцами бугорок за левой бровью. Все его мысли были заняты тем, как теперь ему ужиться с этим открытием... однако, в чем, собственно, это открытие состояло? Может ли *он сам* вообще что-либо выяснить в том положении, в котором оказался?! — эта мысль ставила его в тупик. Для того, чтобы выйти из него, требовались ориентиры. Томету нужны были опорные критерии... и тут, увидев одинокого пешехода, пробирающегося через утренние сумерки, он вдруг понял, что это опору ему может дать сравнение себя с остальными. Ему нестерпимо захотелось оказаться в обществе — в любом, каком угодно, лишь бы это был сборище самых обычных людей, здоровых людей, чьи мозги не обременяют никакие избыточные образования. Он окажется среди них, он будет наблюдать за ними, за теми, кто из года в год успешно сохраняет свою натуру, кто без труда предотвращает какие-либо метаморфозы собственного “Я”, кто не допускает до своих мыслей никаких паразитов... Томет был уверен, что он легко обнаружит между ними и самим собой больше сходства, чем различий — ведь удавалось же ему

это делать в течение всей предшествующей жизни, вплоть до самого последнего дня! Нельзя же допустить, чтобы из-за какого-то дурацкого нароста на его левом виске границы его ощущения самого себя *самим собой* из четких и определенных превратилось в размытую условность! Он не будет паниковать и не собирается так легко расставаться с главной ценностью в жизни каждого человека: со своей *самостоятельностью*, со своей *самостью*, со своим *правом собственности на себя* самого.

Способ вернуть свою идентичность был — для этого достаточно опереться на окружение из референсных образцов, окружение, составленное из обычных здоровых людей. Томет был уверен, что сможет найти ответы на свои вопросы, если ему удастся присмотреться к ним, сравнить их реакцию на окружающий мир со своей собственной, их поведение — со своим... Будучи интровертом всю свою жизнь, Томет редко испытывал потребность находиться в коллективе, легко довольствуясь собственным обществом и принимая ярлык “социопат”, как положительную характеристику. Однако сейчас именно общество себя самого вызывало у него наибольшее неприятие — настолько, что социум стал казаться единственным убежищем. Впрочем, никакого желания общаться с ними у Томета по-прежнему не ощущалось — все, чего он хотел, это наблюдать за здоровыми самодостаточными людьми, за теми, кем самого себя он уже не ощущал.

Дождавшись полного восхода солнца, Томет отправился в дорогу. Уже на выходе из квартиры его посетила мысль о том, что этот поступок плохо соответствует статусу больного, но он лишь равнодушно пожал плечами — в его положении то, что о нем могли подумать сотрудники, уже не имело большого значения.

продолжение следует

© Валентин Лохоня 2019.09.01

<https://nonnihil.net>